

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Экспресс-выпуск • Express-issue

2000 № 120

СОДЕРЖАНИЕ

3-30 Жизнь и деятельность

**Константина Алексеевича Юдина
(1912-1980).**

**Ф.Я.ДЗЕРЖИНСКИЙ, Б.В.НЕКРАСОВ,
И.К.ЮДИНА**

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

T h e R u s s i a n J o u r n a l o f O r n i t h o l o g y

A quarterly journal published from 1992

Express-issue

2000 № 120

CONTENTS

3-30 **Life and work of Konstantin Alekseevich Judin
(1912-1980).**
F.Ya.DZERZHINSKY, B.V.NEKRASOV,
I.K.JUDINA

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.Petersburg University
S.Petersburg 199034 Russia

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

XX

**29 марта 2000 года
исполнилось двадцать лет
со дня смерти
выдающегося русского
учёного
орнитолога**

**Константина
Алексеевича
Юдина**

Жизнь и деятельность

Константина Алексеевича Юдина (1912-1980)

Ф.Я.Дзержинский, Б.В.Некрасов,
И.К.Юдина*

Красноярский период

Константин Алексеевич Юдин родился 3 июня 1912 года в усадьбе, находившейся в трёх верстах от города Красноярска. Построил усадьбу его дед, знаменитый библиофил, владелец самой большой в России частной библиотеки, Геннадий Васильевич Юдин — купец, золотопромышленник, виноторговец. После его смерти главой семейства стал его старший сын — Алексей Геннадьевич, отец Константина Алексеевича.

Алексей Геннадьевич по окончании гимназии поступил на естественное отделение Томского университета. Проучившись год, был отозван отцом, так как нужно было вести огромное хозяйство. Приехав в Красноярск, он окончил бухгалтерские курсы и поступил работать в банк. Однако всё своё свободное время он посвящал любимому делу — орнитологии. Выписывал книги по естествознанию, зоологии, орнитологии на русском и немецком языках.

В 1904 году А.Г.Юдин вступил в брак с А.Е.Жуковой. Вскоре в семье появились дети: в 1908 году родился сын Александр, в 1912 — сын Константин, в 1914 — дочь Наталья. Всё семейство жило в усадьбе, расположенной в одном из живописнейших мест окрестностей Красноярска, на берегу могучего Енисея. В этой усадьбе и прошло детство маленького Константина. Хотя к этому времени Г.В.Юдин уже умер, воспоминания о нём были живы в семье, строго соблюдавшей патриархальные традиции.

Отношение к детям в семье было очень внимательным и ласковым. К ним была приставлена няня, непосредственно занимавшаяся их воспитанием, но и сами родители, в особенности отец, уделяли детям много времени. По вечерам отец читал в детской книги о путешествиях, приключениях, природе и людях разных стран и просто книжки для детей на русском и немецком языках. Часто всё семейство выезжало на пикники в Гремячий Лог. Дорога к нему шла по склону Афонтовой горы, поросшей берёзовым лесом. Любовь к природе, наверное, и зародилась здесь, во

* Работа между авторами распределилась следующим образом. И.К.Юдина написала очерк о красноярском периоде жизни Константина Алексеевича, Б.В.Некрасов описал ленинградский период. Эскиз к творческому портрету К.А.Юдина как учёного сделал Ф.Я.Дзержинский. Завершают статью воспоминания А.Ф.Ковшаря, Л.В.Фирсовой и П.П.Гамбаряна.

время походов в лес. Великолепие окружающей природы, занимательные рассказы отца о цветах, птицах и зверях увлекали детей. В усадьбе был маленький зверинец, и дети с удовольствием ухаживали за его обитателями. Был в усадьбе и охотничий домик. Его стены были украшены ружьями и охотничьими трофеями. Здесь же находилась коллекция птиц и их яиц. Наиболее восприимчивым к интересам отца оказался Константин. Он с большим интересом наблюдал за работой отца и с большим удовольствием принимал участие в изготовлении чучел птиц.

Дети выросли в окружении книг. Книг было так много, что для них было отведено специальное здание. Костя читал всё подряд: классиков русской и мировой литературы, книги по краеведению, истории, зоологии, ботанике. Когда-то дед Кости имел библиотеку, насчитывавшую 100 тыс. экз. В 1907 году часть библиотеки (80 тыс. экз.) была продана Библиотеке Конгресса США. Однако после этого Геннадий Васильевич успел собрать ещё одну библиотеку, которой и пользовались его внуки.

Алексей Геннадьевич был знаком с директором Городского краеведческого музея Аркадием Яковлевичем Тугариновым. Иногда он брал Константина с собой в музей. Там они долго и внимательно рассматривали коллекции, отец разговаривал с Тугариновым, а Костя внимательно прислушивался к беседе взрослых.

Безоблачное детство кончилось в годы революции и Гражданской войны. События тех лет принесли неисчислимые беды практически всем слоям населения России. С установлением Советской власти национализировали библиотеку Юдиных. В дом, где жило их семейство, подселили новых жильцов, а в 1922 году вообще национализировали весь дом. Семья Юдиных переехала в маленький домишко в Красноярске, оставшись практически без средств к существованию. Правда, Алексей Геннадьевич продолжал служить в банке, уже советском. Костя к тому времени достиг школьного возраста. Однако поступить в школу мальчику из купеческой семьи стало тогда практически невозможным. Поэтому он учился дома по гимназической программе, а в 1929 году экстерном сдал школьные экзамены за десять классов.

Алексей Геннадьевич не мог прокормить семью на свою мизерную зарплату и был вынужден искать дополнительных заработков. По совету А.Я.Тугаринова, он заключил договор с Зоологическим музеем в Ленинграде на пополнение коллекции птиц из Сибири. Сын помогал отцу, и первые собранные ими коллекционные шкурки были доставлены в Зоологический музей в 1924 году, когда Косте было всего 12 лет. Он продолжал работу препаратора, постепенно расширяя район своих сборов: ими стали Минусинская котловина, долины рек Кан и Чулым.

С февраля 1931 года Костя поступил на работу в Красноярский леспромхоз в должности охоттехника. Так начался официальный трудовой стаж К.А.Юдина. С 15 мая 1932 года он устроился на работу в систему "Востсибпушнины", где проработал охотоведом до 15 августа 1933 года. За это время в качестве участника Елогуйско-Тазовской охотоустроительной экспедиции он посетил бассейн реки Таз. Работая в этом северном районе бывшего Приенисейского края в составе группы охотоведов,

Константин Алексеевич участвовал в организации промысловых охотничьих станций — эти станции тогда впервые появились в Сибири.

По окончании экспедиции вернувшись в Красноярск, Константин Алексеевич был призван к прохождению допризывной военной подготовки, после чего прошёл лагерные сборы летом 1934 года. В дальнейшем, однако, К.А.Юдин был полностью освобождён от воинской обязанности по причине сильной близорукости.

С 15 октября 1934 года Константин Алексеевич поступил на работу в Красноярский педагогический институт в должности препаратора и заведующего кабинетом зоологии и одновременно был принят на первый курс вечернего отделения естественного факультета. В 1935-1936 годах он перешёл на второй курс и был допущен к ведению практикума по зоологии позвоночных. В 1936-1938 годах, обучаясь на третьем и четвёртом курсах, К.А.Юдин уже работал ассистентом по зоологии позвоночных. Со второго полугодия 1938/1939 учебного года ему поручают чтение курса зоологии позвоночных и курса эмбриологии. Будучи студентом четвёртого курса, он продолжал чтение этих курсов и, сверх того, вёл курсы гистологии и биологии лесных зверей и птиц в Лесотехническом институте. В сентябре 1939 года он сдал государственный экзамен по заочному отделению, поскольку не смог посещать лекции во втором семестре четвёртого курса, будучи загруженным преподавательской работой.

По окончании педагогического института К.А.Юдин был оставлен на кафедре зоологии института в качестве преподавателя, а с июня 1941 года утверждён старшим преподавателем кафедры зоологии. В трудные годы Великой Отечественной войны Константин Алексеевич вместе со студентами работал на лесозаготовках и ремонте железной дороги.

Начало своей научной деятельности К.А.Юдин впоследствии датировал 1936 годом, когда он был на втором курсе пединститута. Видимо, именно тогда он начал обрабатывать и осмысливать свои сибирские материалы, готовя их к публикации. Однако опубликовать их ему удалось лишь в 1951-1952 годах.

По свидетельству самого Константина Алексеевича, возникновению и дальнейшему закреплению своего страстного интереса к орнитологии, ставшей делом всей его жизни, он прежде всего обязан отцу, у которого орнитология была любимым увлечением. В последующие годы углублению интереса К.А.Юдина к орнитологии немало способствовал омский профессор И.Н.Шухов.

За годы наблюдений и коллекционных сборов птиц в южной части Красноярского края Константин Алексеевич собрал основную часть материала для своей будущей кандидатской диссертации. Накопленный материал он обрабатывал зимой 1943/1944 годов в Зоологическом музее Московского университета. В 1945 году заведующий кафедрой зоологии Красноярского педагогического института профессор С.Я.Вейсиг дал Юдину блестящую характеристику для поступления в аспирантуру Зоологического института Академии наук СССР (ЗИН АН СССР) в Ленинграде, а профессор А.Я.Тугаринов, который с 1925 года работал в орнитологическом отделении этого института, дал согласие стать его научным

руководителем. Через 21 год А.Я.Тугаринов вспомнил о любознательном мальчике, когда-то приходившим в Красноярский краеведческий музей.

В декабре 1944 года К.А.Юдин был зачислен в аспирантуру Зоологического института. Учёный совет ЗИН утвердил предложенную им тему кандидатской диссертации “Эколого-морфологический обзор соколиных птиц”. 1944/1945 учебный год Константин Алексеевич провёл в Красноярске, одновременно продолжая преподавательскую работу и обработку материала для диссертации и готовясь к сдаче экзаменов по кандидатскому минимуму. И лишь в декабре 1945 года, получив требовавшиеся вызов и пропуск (остатки формальностей военного времени), Константин Алексеевич уехал в Ленинград, в Зоологический институт, как оказалось, навсегда покинув свою родину — Красноярск.

Ленинградский период

Попав, наконец, в декабре 1945 года в Ленинград и приступив к своим аспирантским делам в Зоологическом институте, К.А.Юдин с увлечением вошёл в интенсивную работу с научной коллекцией птиц орнитологического отделения ЗИН и с орнитологической литературой библиотеки института (также находившейся на хранении в орнитологическом отделении). По свидетельству самого К.А.Юдина, за аспирантские годы он просмотрел всю имевшуюся в библиотеке литературу, а книги по птицам перечитал все (он обладал врождённым и усиленным практикой даром скорочтения и был способен за малое время осваивать огромные объёмы информации). С таким же тщанием он просмотрел и всю богатейшую орнитологическую коллекцию ЗИН.

Орнитологи Зоологического института заочно знали К.А.Юдина задолго до его поступления в аспирантуру по присылаемым в ЗИН его коллекционным сборам. Заведующий же орнитологическим отделением А.Я.Тугаринов хорошо знал его ещё мальчиком в Красноярске. За недолгий срок аспирантуры старшие коллеги воочию убедились в недюжинном таланте К.А.Юдина. Способности исследователя сочетались в нём с глубокими и разносторонними теоретическими знаниями и прекрасной методической подготовкой. Поэтому вполне естественно, что специалисты-орнитологи ЗИН хотели видеть Константина Алексеевича в своих рядах, в штате института. Сначала К.А.Юдин был зачислен на временную работу в ЗИН ещё до окончания срока аспирантуры — 11 мая 1948 — по ходатайству профессора Л.А.Портенко (А.Я.Тугаринов в этот момент был серьёзно болен). Обосновывая своё ходатайство, Портенко писал о Юдине: “... он представляет собой вполне сложившегося научного работника, прекрасно знающего птиц и наши коллекции.”

Летом 1948 года в Зоологическом институте была организована длительная экспедиция на Сахалин и Курильские острова. Конечно же, к участию в ней привлекли и К.А.Юдина “как молодого специалиста, зарекомендовавшего себя умением прекрасно собирать орнитологические коллекции в условиях Восточной Сибири” (из ходатайства Л.А.Портенко).

В связи с этим срок работы Юдина в Зоологическом институте был продлён по 31 октября 1948 года.

Свои исследования по теме кандидатской диссертации К.А.Юдин завершил ещё в феврале 1948 года, а 20 декабря того же года диссертация была успешно защищена. К этому моменту К.А.Юдин уже был штатным младшим научным сотрудником лаборатории орнитологии (с 23 ноября 1948 года). Его диссертационная работа “по своему новому в орнитологии био-экологическому подходу к вопросам филогении и эволюции, по глубине и значительности ее результатов и блестящей разработке сложной тематики должна быть признана выдающимся исследованием в области изучения морфологии птиц” — так писала Е.В.Козлова в отзыве на предмет представления работы К.А.Юдина на присуждение премии имени академика П.П.Сушкина. Эта почётная премия за 1951 год была присуждена Президиумом Академии наук СССР, и не случайно диссертационный труд Юдина “Эколого-морфологический обзор соколиных птиц” опубликован именно в сборнике научных трудов, посвящённом памяти П.П.Сушкина (1950).

После защиты кандидатской диссертации К.А.Юдин включился в работу по одной из основных и традиционных для Зоологического института проблем — по изучению фауны СССР. Его привлекли к изучению обширной и весьма разнообразной по характеру приспособлений группы птиц — отряда ржанкообразных. Изучением этой группы К.А.Юдин занимался совместно со старейшим и заслуженным орнитологом института Е.В.Козловой, начавшей эти исследования несколько раньше. Именно на материале данного таксона К.А.Юдиным впоследствии были сделаны наиболее важные обобщения в области морфологии, систематики и филогении птиц. Для сбора материала по новой теме Константин Алексеевич предпринял поездки на Мурман и Рыбинское водохранилище.

Следуя предписанию высших академических инстанций, Зоологический институт в конце 40-х и начале 50-х годов выполнил ряд плановых исследований по проблеме полезащитного лесоразведения. Участвуя в этом цикле работ, Юдин дважды выезжал в Заволжье, где провёл эколого-фаунистические наблюдения не только над птицами полезащитных насаждений (1952), но и над вредной деятельностью грызунов (1950, 1951). Одновременно он принял участие в создании капитальной сводки “Животный мир СССР”, подготовив раздел о птицах лесной зоны (1953).

В мае 1953 года планом Президиума АН СССР институту было предписано командировать из числа научных сотрудников одного кандидата в докторантуру. Этот вопрос был решён в ЗИН только в декабре — выбор Учёного совета остановился на К.А.Юдине. Из характеристики будущего докторанта, представленной в Отделение биологических наук АН СССР: “Большой опыт полевой работы и прекрасная теоретическая подготовка в области орнитологии вообще и морфологии птиц, в частности, хорошо сочетаются у К.А.Юдина с широким кругозором в области современных проблем биологии”. В докторантуру Зоологического института Юдин был прикомандирован с 25 апреля 1954 года сроком на 2 года. Утверждённая Президиумом Академии наук СССР тема докторской диссертации —

“Чайки фауны СССР” — была предложена и обоснована самим Константином Алексеевичем. Научным консультантом докторанта был утверждён Александр Иванович Иванов. Работая над новой диссертацией, Юдин провёл дополнительные сборы на Азовском море, а также изучил материалы коллекции Зоологического музея Московского университета.

В мае-июне 1954 года К.А.Юдин был направлен в заграничную командировку — на XI Международный орнитологический конгресс в Базеле (Швейцария). Там он выступил с докладом о механизме фиксации локтевого сустава у трубконосых птиц (Joudine 1955). Строение крыла трубконосых заинтересовало Юдина в связи с тем, что эти птицы, как и чайки, приспособлены к динамическому парению над водными пространствами и много времени проводят в воздухе.

Интересно отметить, что в составе делегации советских орнитологов (в ней, кроме К.А.Юдина, были Г.П.Дементьев, А.К.Рустамов и А.И.Иванов) Константин Алексеевич был единственным кандидатом наук (все остальные — доктора наук) и даже (это самое удивительное) беспартийным. Нужно вспомнить, что в те годы состав подобных делегаций утверждался не только Распоряжением Президиума АН СССР, но и решением “директивных органов”, и высшее академическое начальство при таких решениях всегда учитывало “табели о рангах”.

7 января 1955 года Президиум АН СССР присвоил К.А.Юдину учёное звание старшего научного сотрудника по специальности “орнитология” на основании представления Зоологического института, в котором, в частности, подчёркивалось, что “... исследования К.А.Юдина отличаются оригинальностью творческого замысла, тщательностью исполнения и теоретической глубиной”. Однако должность старшего научного сотрудника Юдин смог занять лишь 16 октября 1956 года.

В январе 1956 года Зоологический институт организовал Первую Всесоюзную орнитологическую конференцию. В её подготовке, наряду со старшими коллегами А.И.Ивановым и Л.А.Портенко, принял участие и К.А.Юдин. Он также выступил на конференции с докладом о линьке почти не изученной в то время белой чайки (1960). В последующие годы голос Юдина неоднократно звучал на орнитологических конференциях: и всесоюзных, и региональных. Это были как доклады, так и выступления в дискуссиях, нередко весомо влиявшие на резолюции конференций.

С 15 апреля 1956 К.А.Юдин был отчислен из докторантуры “за истечением её срока и окончанием работы над докторской диссертацией” (как значится в приказе по ЗИН) и возвратился к исполнению обязанностей младшего научного сотрудника отделения орнитологии.

Необходимость проведения большого цикла трудоёмких сравнительно-морфологических исследований (не только чаек, но и других ржанкообразных) потребовала от диссертанта немалых дополнительных затрат времени и сил. В результате К.А.Юдин и его партнёр по работе над трудами серии “Фауна СССР” Е.В.Козлова представили совместный труд по морфологии ржанкообразных птиц. Эта выдающаяся работа была премирована Дирекцией ЗИН 24 декабря 1957 года. Свою часть работы Юдин опубликовал в серии статей (1958, 1961, 1964) и в отдельном томе “Фау-

ны СССР”, посвящённом филогении и классификации ржанкообразных в целом. Тома “Фауны СССР” по чистиковым и куликам, подготовленные Е.В.Козловой, вышли в свет несколько ранее (1957, 1961, 1962).

За капитальный труд по филогении и классификации ржанкообразных Высшей аттестационной комиссией 2 июля 1966 года К.А.Юдину была присуждена учёная степень доктора биологических наук. Вскоре он был введён в состав Учёного совета Зоологического института.

В связи с длительными углублёнными исследованиями отряда ржанкообразных в сфере научных интересов Юдина оказались и многие другие водные (в особенности морские) птицы благодаря сходству в характере приспособлений к водному или околотоводному образу жизни. Например, трубконосые обнаруживают ряд сходных приспособлений с морскими чайками и поморниками в особенностях полёта и питания. Одна специализированная группа трубконосых — ныряющие буревестники — во многом уподобляются чистиковым, с которыми отдалённую параллель образуют и пингвины.

По всей видимости, именно незатухающий интерес К.А.Юдина к различным морским птицам способствовал возникновению его многолетнего сотрудничества с биологами ленинградского института Арктики и Антарктики, которые во время своих экспедиций коллектировали морских птиц и проводили наблюдения за ними. Значительная часть этих коллекционных сборов поступала в Зоологический институт, обычно в свежемороженном виде. Константин Алексеевич, всегда особо заботившийся о пополнении научной коллекции орнитологического отделения ЗИН, много времени и сил отдавал обработке этих поступлений, изготавливая коллекционные шкурки, пополняя спиртовую коллекцию и проводя морфологические исследования свежих (только что оттаявших) экземпляров — проводил измерения, зарисовки “летающей птицы” в натуральную величину с расправленными до естественного положения крыльями, анатомические исследования с взвешиванием летательных мышц, сердца и других органов, зарисовки и фотографирование челюстной мускулатуры и т.п.

Эти многолетние значительные траты времени и труда на обработку арктических и антарктических сборов, конечно, отдаляли завершение запланированного тома “Фауны СССР” по чайкам, но К.А.Юдин не считал возможным оставить без неотложной обработки обильно поступавший уникальный свежий материал, который ЗИН никогда не смог бы получить собственными силами и средствами. Результаты этих исследований частично были опубликованы (1955, 1957, 1958, 1961, 1964, 1968), хотя, конечно, эти публикации освещают лишь небольшую часть накопленного К.А.Юдиным материала по морским птицам Арктики и Антарктики.

В течение многих лет К.А.Юдин оказывал своим коллегам из Института Арктики и Антарктики консультативную помощь. В марте 1965 года он был включён в состав Творческой группы по антарктическим исследованиям в связи с утверждением Зоологического института АН СССР головным учреждением, ответственным за проведение биологических исследований в Антарктике по проблеме “Специфика фауны и флоры Ан-

тарктики (биогеография, продуктивность и практическое использование)". Несколько раньше, в начале 1960-х, по заказу центральной редакции "Атласа океанов" Центрального картографического производства Военно-морского флота СССР К.А.Юдин в числе группы научных сотрудников ЗИН приступил к работе по составлению карт раздела "Биогеография". Им были представлены карты распространения морских птиц в Атлантическом и Индийском океанах (однако публикация всего атласа задержалась до 1977 года).

В стенах Зоологического института Константин Алексеевич провёл всю вторую половину своей жизни — немногим более 34 лет из отпущенных ему судьбой неполных 68 лет. Это был период творческой зрелости учёного, всестороннего проявления его таланта и выхода в свет его научных публикаций (всего 75 названий). Атмосфера Зоологического института, старейшей и главной цитадели фундаментальной зоологической науки в СССР, способствовала успеху научной деятельности К.А.Юдина — прирождённого натуралиста-зоолога, пришедшего в институт с уже сформировавшимися интересами в области орнитологии.

Углублённые сравнительно-морфологические, а затем и эколого-морфологические исследования птиц (в последней области Юдин выступил основоположником) привели его к переосмыслению принципиальных и методических основ надвидовой систематики птиц, к обоснованию важного теоретического положения об уровнях развития систематики животных (1970, 1974, 1977, 1978). К сожалению, результатам исследований К.А.Юдина по чайкам фауны СССР, начатым в 50-х годах и продолженным затем совместно с его ученицей Л.В.Фирсовой, было суждено увидеть свет лишь после его ухода из жизни, в 1988 году.

Если Зоологический институт сыграл такую важную роль в судьбе К.А.Юдина, то нельзя не сказать и о значении самого Константина Алексеевича в научной и общественной жизни института и его музея. В частности, не миновали Константина Алексеевича и административные обязанности. С 1 апреля 1967 по 15 января 1968 он исполнял обязанности заведующего лабораторией наземных позвоночных, с 1 апреля 1969 стал заведующим орнитологическим отделением этой лаборатории. По инициативе К.А.Юдина с 30 июня 1969 из состава лаборатории наземных позвоночных выделились отделения орнитологии и герпетологии на правах отдельной лаборатории, при этом Юдина назначили исполнять обязанности заведующего. С 25 декабря 1969 он был утверждён в должности заведующего лабораторией после прохождения конкурса.

Последовавшую за этим повышением в должности прибавку к зарплате, составившую 100 рублей (1/5 номинальной зарплаты заведующего лабораторией), Константин Алексеевич распорядился ежемесячно отчислять в учреждённый им неофициальный фонд орнитологического отделения для закупки за наличный расчёт различного мелкого оборудования, вроде фотоштативов, экрана для диапроектора и т.п. На этом примере хорошо видно, что, хлопоча об учреждении отдельной лаборатории, которую он возглавил, Юдин не преследовал материальной выгоды для себя лично, но имел в виду лишь интересы дела.

Заведующим лабораторией орнитологии и герпетологии Зоологического института К.А.Юдин оставался до 1 марта 1976 года, когда тяжёлая и продолжительная болезнь вынудила его отказаться от заведования и перейти на должность старшего научного сотрудника.

Состояние его здоровья продолжало ухудшаться. Спустя три года Константин Алексеевич покинул институт в связи с переходом на пенсию, а 29 марта 1980 года его не стало.

На посту заведующего лабораторией, как и всё время пребывания в штате института, Константин Алексеевич был всегда озабочен качеством профессиональной подготовки, теоретическим и методическим уровнем исследований не только руководимых непосредственно им аспирантов, но и других молодых сотрудников отделения. Особого упоминания заслуживает то значение, которое он придавал освоению молодыми специалистами методик получения качественного первичного фактического материала, изготовления высококачественных, сделанных по единому стандарту шкурок птиц, фотографирования птиц и их гнёзд в природе и т.п. Этими методиками сам Юдин владел в совершенстве, что давало ему право на высокую требовательность к ученикам. Составляя ежегодные отчёты о научной деятельности отделения и всей лаборатории, К.А.Юдин имел достаточные основания констатировать, что работы у нас ведутся на уровне не ниже, чем за рубежом, несмотря на нашу гораздо худшую обеспеченность современным научным оборудованием.

Немаловажное значение для профессионального совершенствования и повышения общебиологического кругозора молодых ленинградских орнитологов, для взаимного информирования о темах и состоянии их исследований, для обмена методическим опытом имели продуманные и чётко организованные научные семинары лаборатории, возглавлявшиеся К.А.Юдиным. Протекали они обычно очень оживлённо и привлекали широкий круг участников: кроме зиновцев (включая сотрудников биостанции в Рыбачьем), их охотно посещали преподаватели и студенты Ленинградского университета, Педагогического института им. А.И.Герцена, сотрудники Ленинградского отделения ВНИИОЗ, Института Арктики и Антарктики, ЛенНИИЛХ, а также орнитологи-любители. И конечно, никогда не пропускали эти семинары приезжие орнитологи из других городов Союза. На этих семинарах заслушивались и обсуждались научные доклады (в том числе “предзащитные”), сообщения о сборах экспедиций и др. Бывали и заседания, посвящённые чествованию старших коллег в дни их юбилеев или памяти ушедших из жизни товарищей.

Константин Алексеевич считал делом большой, принципиальной важности сохранение в памяти современников, особенно молодого поколения, приходящего на смену нынешним учёным, достижений корифеев отечественной зоологии, без чего невозможна преемственность поколений, поддержание достигнутого предшественниками высокого уровня исследований. Для этого недостаточно одного лишь изучения научных публикаций ушедших — очень много поучительного познаётся при ознакомлении с укладом их жизни, стилем работы, всей той обстановкой, формировавшей их как учёных. И сам Константин Алексеевич подавал в

этом пример, подготовив статьи в память своих старших коллег и учителей Е.В.Козловой, Л.А.Портенко, Б.К.Штегмана (1975, 1981), а также глубоко чтимого им зоолога-эволюциониста И.И.Шмальгаузена (1964). Эти же соображения побудили его опубликовать краткий очерк истории орнитологии XX века (1975).

К.А.Юдин неизменно задавал тон на семинарах своей лаборатории, поддерживая их высокий уровень, к чему обязывало и само положение лаборатории в составе головного академического зоологического учреждения. Опыт работы семинара Юдин даже счёл необходимым осветить в специальной публикации (1975).

В связи с этим уместно отметить, что Константин Алексеевич был убеждённым патриотом Зоологического института, всегда очень внимательно следил за научной и научно-организационной жизнью института, искренне радовался каждому его успеху и огорчался при любой неудаче. Став членом Учёного совета ЗИН АН СССР, Юдин стремился не только быть в курсе всей научной деятельности института, но и активно способствовал повышению теоретического и методического уровней исследований, сохранению традиционных направлений фундаментальных исследований Зоологического института, часто вопреки конъюнктурным веяниям из партийных, а следом за ними — и академических “верхов”.

Такими фундаментальными направлениями в работе Зоологического института К.А.Юдин считал систематику и филогенетику, морфологию, зоогеографию, базирующуюся на эколого-фаунистических исследованиях. Основываясь на том, что по решению руководства Академии наук СССР Зоологический институт был официально утверждён ведущим, координирующим учреждением страны по проблеме “Фауна СССР, её изучение и реконструкция”, он всем публикациям, подводившим итоги фундаментальных исследований по этой проблеме, старался придать конструктивно-методическую направленность. В этом ключе были построены его статьи о задачах морфологических исследований в орнитологии (1957), о принципиальных и методических основах надвидовой систематики животных (1970, 1974, 1977, 1978) и статья о задачах и методах современной авифауистики (1977).

Особенно волновала Юдина проблема творческого роста молодых кадров института, подготовка достойной смены нынешним научным работникам. Константин Алексеевич настойчиво пропагандировал мысль о том, что значение ЗИН АН СССР как головного зоологического учреждения обязывает пополнять штат института лучшими из лучших молодых зоологов, привлекая их в Ленинград со всех уголков страны, подобно тому, как, например, формируется сборная футбольная команда СССР. Помнится, после одного из наиболее темпераментных выступлений Константина Алексеевича на эту тему, профессор А.А.Стрелков назвал его “воинствующим хранителем традиций ЗИНа”. Многим в институте запомнилась бескомпромиссная принципиальность выступлений Юдина на заседаниях Учёного совета и отчётных сессиях ЗИН. Защищая свою точку зрения, он мог говорить резко, нелестно, не заботясь о возможном недовольстве руководства.

Что касается ораторского искусства К.А.Юдина, то оно было высоким: речь его была чёткой, правильной, точной, образной; логика — безукоризненной; он одинаково умел владеть аудиторией и при выступлении в повествовательном жанре, и в дискуссионной полемике. В обоих случаях он говорил энергично, эмоционально, а во время полемики аргументы его приобретали особую убедительность и были неотразимы. В случаях же недоброжелательной, неделовой критики его ответы, при всей их академической корректности, были окрашены такой язвительной иронией, что разили, как удары клинка опытного матадора. Многие испытывшие это на себе в дальнейшем опасались публичных поединков с Юдиным.

И ещё одна удивлявшая особенность ораторского искусства Константина Алексеевича — он легко, уверенно, раскованно выступал перед любой аудиторией, но только если не был связан необходимостью точно придерживаться заранее составленного текста. Когда же он был вынужден, что называется, “читать по бумажке”, речь его безнадежно проигрывала.

Особые, можно сказать, отношения сложились у К.А.Юдина с Зоологическим музеем. Стоит вспомнить, что эти отношения начались задолго до появления Константина Алексеевича в институте, с присылки им в музей шкурок сибирских птиц, когда он был ещё совсем мальчиком. В течение многих лет Юдин был членом музейного совета ЗИН, причём его участие в делах музея отнюдь не было формальным. Он был знатоком как изготовления, так и правильного хранения музейных материалов. Своё таксидермическое искусство, которое было уже очень высоким к моменту прихода в ЗИН, Константин Алексеевич неустанно совершенствовал в течение всей жизни, в том числе обращаясь к опыту талантливого препаратора музея М.А.Колина. К сожалению, Юдин уже не застал Колина в живых, но тщательно изучал выполненные им музейные экспонаты. Постоянную тесную связь Константин Алексеевич поддерживал и с искусным таксидермистом музея М.А.Заславским. Общались они “на равных”, и подготовке специальных публикаций Заславского по таксидермии немало способствовали ценные советы Юдина.

Стоит упомянуть о двух эпизодах сотрудничества К.А.Юдина с музеем. 2 сентября 1960 года, после более чем двухлетней консервации, связанной с капитальным ремонтом здания, Зоологический музей вновь открылся, и одновременно была объявлена благодарность директора ЗИН Юдину за высококачественное выполнение работ по подготовке экспозиции к открытию. В августе 1963 года были завершены работы по созданию новой композиции — диорамы “Птичий базар”, — выполненной коллективом таксидермистов музея и приглашённых извне художников. Всей этой сложной работой руководил К.А.Юдин в качестве научного консультанта как специалист по морским птицам.

Консультативная деятельность К.А.Юдина, неоднократно положительно отмеченная в приказах дирекции по институту как способствующая подготовке кадров зоологов, могла бы стать предметом отдельного рассказа. В этом отношении Константин Алексеевич был просто уникален. В течение многих лет значительная часть рабочего времени уходила у него на беседы с многочисленными посетителями, жаждавшими полу-

чить у него консультации. Среди посетителей преобладали, конечно, орнитологи, хотя нередко это были и зоологи других специальностей, в том числе специалисты по разным группам беспозвоночных. Но бывали и не биологи: охотоведы, художники, фотографы-анималисты, инженеры, работающие в области бионики и др. А из зоологов, кроме зиновцев, в этом паломничестве участвовали сотрудники научных институтов и вузов Ленинграда, а также приезжие из разных республик Союза, в том числе научные сотрудники заповедников. Участниками оживлённой беседы с ним на протяжении одного дня могли оказаться студент-дипломант и маститый член-корреспондент Академии наук.

Каковы причины этого феномена? По-видимому, Константин Алексеевич притягивал людей подобно сильному магниту не только (и не столько) тем, что был подобен живому справочнику по различным вопросам зоологии (от магнитофонной записи голосов животных до теоретических проблем эволюционного учения), но главным образом тем, что вся хранившаяся в его голове информация была им осмыслена, и идеями он был богат не менее, чем фактами. Коллег столь широкого диапазона привлекала возможность компетентного обсуждения тех проблем, которые их волновали, потребность “сдвинуться с места” при возникшей “пробуксовке”. Сам же Константин Алексеевич, вероятно, испытывал настоящую потребность постоянного широкого обмена информацией и мнениями с коллегами и товарищами по интересам именно по причине переработки им огромных объёмов информации, вследствие чего неизбежно возникало побуждение к обмену идеями и получению недостающих звеньев для формируемых гипотез. Наибольший интерес у него, несомненно, вызывали новые, отсутствовавшие до того в литературе сведения, полученные в результате непосредственных наблюдений в природе над малоизученными видами птиц.

Всех, близко знавших Константина Алексеевича, поражало редкостное сочетание прекрасного знания птиц нашей страны в природе (различение их по внешности, повадкам, голосу) и столь же профессиональные знания внешности птиц мировой фауны — по коллекционным экземплярам, рисункам, фотоснимкам. Все это совмещалось ещё и с обширным знакомством с мировой орнитологической литературой и широким общебиологическим кругозором. В основе этого феномена лежали его природная любознательность и воспитанное по семейной традиции неутомимое трудолюбие. Из этого и родилась потребность в постоянном, продолжавшемся всю жизнь, самообразовании. Книги окружали его в течение всей сознательной жизни. Общение с музейными коллекциями также началось в годы отрочества и длилось до конца жизни. А соприкосновение с птицами в природе сопровождало Константина Алексеевича с раннего детства до последнего в его жизни лета.

В официальных экспедициях Зоологического института К.А.Юдин не участвовал после 1955 года, но зато имел обыкновение каждым летом (во время отпуска) устраивать спланированные им самим полевые выезды с целью ознакомления в природных условиях с птицами разных ландшафтных зон нашей страны. Если нанести на карту маршруты летних

орнитологических экскурсий Константина Алексеевича, то они охватят всю территорию СССР от Западной Украины и Прибалтики до Курильских островов и Сахалина, от заповедника “Семь островов” и низовьев р. Таз до Приазовья, Закавказья и Западного Тянь-Шаня. Самостоятельные экскурсии Юдина в разные уголки страны организовывались им при содействии и участии его коллег и друзей: ленинградских зоологов М.В.Калинина, А.С.Мальчевского, П.П.Гамбаряна, К.А.Бродского и других. И из каждой такой поездки он привозил интересный материал в виде наблюдений и фотоснимков птиц в природе.

Нельзя не упомянуть о научно-организаторской и общественной деятельности К.А.Юдина. Кроме участия в Учёном совете ЗИН, музейном совете, в экзаменационных комиссиях по приёму кандидатского минимума, Константин Алексеевич был членом постоянного оргкомитета всесоюзных орнитологических конференций, а затем заместителем председателя Всесоюзного орнитологического комитета, членом редакционной коллегии ежегодника “Орнитология”, членом группы, руководившей научным семинаром ЗИН по проблемам систематики насекомых, куратором Биологического института Карельского филиала АН СССР (оказывал научно-методическую помощь лаборатории зоологии), был постоянным активным участником философских семинаров института, обучал группу молодых стажёров-зоологов из Вьетнама, руководил организацией выставки и конкурса научных фотографий студенческого кружка кафедры зоологии позвоночных Ленинградского университета и входил в жюри этого конкурса. Успех конкурса фотографий стал известен всему университету, а К.А.Юдин удостоился благодарности не только декана биолого-почвенного факультета, но и ректора университета (1960 год).

Не чуждался он и иных, порой трудоёмких и малопривлекательных, но необходимых общественных обязанностей: два года работал в местном профсоюзе, был членом товарищеского суда, комиссии партийно-народного контроля, членом редколлегии институтской стенгазеты, трижды избирался заседателем в районном народном суде и т.д.

И в завершение всего — немного о личной жизни Константина Алексеевича. В 1938 году он женился на дочери красноярского мелкого служащего Людмиле Гавриловне Потылицыной. В том же 1938 году его жена окончила естественный факультет Красноярского педагогического института, получив специальность гидрохимика. В 1940 году у них родилась дочь Ирина. Во время Великой Отечественной войны Арктический институт был эвакуирован из Ленинграда в Красноярск. Л.Г.Потылицына поступила на работу в этот институт, а затем и в аспирантуру. После возвращения Арктического института в Ленинград в 1944 году в Ленинград вместе с ним приехала и аспирантка Потылицына. Она поселилась вместе с другими аспирантами в так называемом Доме полярников на Арсенальной улице. А аспирант Юдин по приезде в Ленинград в декабре 1945 года был поселён в академическое аспирантское общежитие на Петрозаводской улице. Успешно завершить аспирантуру Людмиле Гавриловне помешала болезнь маленькой дочери. И после отчисления из аспиранту-

ры Л.Г.Потылицына до самого перехода на пенсию работала на химическом факультете Ленинградского университета.

После многих безуспешных попыток семьи Юдиных обзавестись собственным жильём, где можно было бы жить всем троим вместе, Юдины примкнули к группе таких же бесквартирных сотрудников ЗИН: они решили совместными силами и средствами отремонтировать заброшенную из-за непригодности для жилья коммунальную квартиру в подвальном помещении дома 58 по 9-й линии Васильевского острова. После долгих мытарств с великим трудом отремонтированная квартира была, наконец, в 1949 году заселена. Новоселье в ней отпраздновали К.А.Бреев, семьи И.Л.Кюршнер, Юдиных и семья приёмной дочери Е.Ф.Гурьяновой.

Новое жилище Юдиных представляло собой сырое, тесное и полутёмное помещение, которое во время обычных для Ленинграда осенних наводнений неоднократно подтапливалось. Лишь спустя десять лет К.А.Юдину удалось с помощью администрации ЗИН получить удовлетворительное жильё — две просторные комнаты в коммунальной квартире в доме 11 на 5-й Красноармейской улице.

Все бывавшие у Юдиных дома единодушно отмечали очень благоприятный “психологический климат” в этой семье, во многом определяемый уравновешенным и радушным характером хозяйки дома. Она в течение всей жизни Константина Алексеевича была его верной спутницей и помощницей, чьи участие и поддержка помогали перенести все трудности и невзгоды, которых немало выпало на долю этой семьи.

Подводя итог всему рассказанному в этом кратком биографическом очерке, хочется подчеркнуть, что Константин Алексеевич Юдин был прирождённым учёным, с отроческих лет осознавшим своё призвание, посвятивший любимому делу всю свою жизнь, все свои силы, весь свой неповторимый яркий талант. Вместе с тем он был горячим патриотом своей страны, отечественной науки, служивший Родине честно и беззаветно, вне зависимости от того, где, когда и какую конкретно работу ему приходилось выполнять. Было бы очень несправедливо, если память о Константине Алексеевиче угаснет с уходом из жизни тех, кто его лично знал. Хочется надеяться на то, что данная публикация послужит той нитью, которая поможет сохранить связь времён.

К.А.Юдин как учёный (эскиз к творческому портрету)

С конца 1945 года вся жизнь Константина Алексеевича Юдина связана с Зоологическим институтом Академии наук СССР в Ленинграде. Здесь он учится в аспирантуре, работает научным сотрудником, заведует лабораторией герпетологии и орнитологии. Здесь его учителями и близкими коллегами стали крупнейшие советские орнитологи: А.Я.Тугаринов, Л.А.Портенко, Е.В.Козлова, Б.К.Штегман, А.И.Иванов.

Тот сложный и трудный путь, которым Константин Алексеевич пришёл в науку, позволил ему стать наследником, продолжателем двух от-

стоявших до этого далеко друг от друга линий её развития. С одной стороны, это открывшаяся ему в многодневных скитаниях по тайге полевая зоология, а с другой — сравнительная морфология, к которой К.А.Юдин подошёл от практики препарирования птиц и зверей, через непосредственное познание многообразия внутреннего строения позвоночных. Будучи максималистом, человеком неистовым, он не был склонен останавливаться на полпути, с большим воодушевлением и энтузиазмом продвигался в обеих областях до самых общих проблем и высоких обобщений. По-видимому, в этом проявились семейные традиции трепетного уважения к достижениям человеческой мысли. Эти традиции помогли К.А.Юдину перерасти скромные рамки провинциального педагогического института, несмотря на трудную судьбу самоучки. Но эта же судьба обострила его природную любознательность, сформировала привычку к самообразованию, помогла развить тот общий интерес и напряжённое внимание, с которыми он относился к широкому кругу вопросов и разделов биологии, да и не только биологии. Однажды после дискуссии с энтомологами по весьма специальным вопросам их науки он так объяснил секрет своей компетентности: “Просто я не сплю на учёных советах”.

Судьба дала К.А.Юдину и счастливую судьбу духовного роста без ограничивающего влияния традиций той или иной школы. Он развивался, опираясь на позитивные стороны различных школ, постигаемые им из литературы. Это позволило ему преодолеть те исторически сложившиеся пропасти, которые до сего дня разделяют систематическую зоологию, с одной стороны, сравнительную морфологию, с другой, и экологию, с третьей; позволило провести синтез данных, относящихся ко всем этим направлениям зоологической науки.

В ходе работы над кандидатской диссертацией “Эколого-морфологический обзор соколиных птиц” К.А.Юдин отработал принципы методологического подхода, основанного на изучении морфологических адаптаций современных видов. В этой работе голос автора звучит с горячей убеждёностью, здесь в полной мере проявилась его взыскательность к качеству, добротности научной продукции, особенно в идейном, мировоззренческом отношении. От этой позиции он не отступал до конца дней и отдал немало сил разработке общих методологических вопросов зоологии.

В 50-х годах К.А.Юдин вместе с Е.В.Козловой приступил к изучению систематики и филогении птиц отряда ржанкообразных. При этом использовался анализ пищевых адаптаций в строении челюстного аппарата, отражающих связь с морем морфологических особенностей внутреннего строения орбитально-носовых желёз и, наконец, адаптивных особенностей внутреннего строения пропатагиума (передней кожной складки крыла), связанных с полётом в сложных аэродинамических условиях побережий. Синтез этого материала в монографии (1965), ставшей докторской диссертацией Константина Алексеевича (апрель 1966 года), дал ему уточнённые представления о последовательности обособления и направлениях развития отдельных филогенетических линий внутри отряда. Сходным образом он составил суждение о направлениях основных филогенетических связей ржанкообразных с другими отрядами птиц.

В последующие годы главную тему для исследований К.А.Юдина составили проблемы биомеханики, биологического значения и эволюции особой формы кинетичности черепа, специфичной для класса птиц “почти в такой же мере, как перья и преобразованные в крылья передние конечности” (1970, статья о кинетичности черепа птиц). Эти исследования позволили Юдину убедительно обосновать старое, но ныне многими отвергаемое представление о реальности палеогнатизма и первичности для птиц палеогнатического варианта строения черепа.

Помимо главных тем своей жизни, Константин Алексеевич отдавал силы множеству более мелких дел, таких как экологические исследования на полежащих полосах (конец 40-х - начало 50-х годов), участие в составлении морского атласа, бесконечные консультации для сторонних специалистов, рецензии, наконец, административные обязанности. Жесточайшая болезнь, с которой он боролся последние пять лет своей жизни, помешала ему довести до конца некоторые из начатых работ. В частности, остались незавершёнными эколого-морфологические обзоры челюстного аппарата неворобьиных птиц и летательного аппарата трубконосых.

“Любое специальное исследование, — пишет Константин Алексеевич в 1957 году, формулируя задачи морфологических исследований в области орнитологии, — должно иметь, помимо частной задачи, перспективу в виде общей цели той науки, в плане которой оно выполняется; в противном случае ему грозит опасность превратиться в самоцель”. Этому призыву его автор прежде всего неукоснительно следовал сам. В своих работах он часто обращался к общим и принципиальным вопросам зоологии и посвятил специальные статьи месту морфологии в орнитологических исследованиях (1957), анализу состояния и перспектив развития систематики (в первую очередь — макросистематики) и филогенетики (1970, 1974, 1978). В этих статьях К.А.Юдин анализирует гносеологическую подоплёку и объективные предпосылки, лежащие в основе тех ответов, которые различные направления систематики дают исследователю. Он вооружает читателя пониманием объективных обстоятельств, на которых должно базироваться суждение специалиста о рассматриваемом методе.

К.А.Юдин различает три уровня развития систематики (1974). Он показывает, что систематика диагностического уровня, сохраняющая (в силу своей безотносительности к процессу естественного отбора) формальный характер додарвиновских систем, способна выполнять лишь прикладные функции. Столь же ограничено содержание образующих её базу признаков, используемых в качестве формальных критериев сходства и подбираемых на основе их наглядности и стабильности. Модернистские направления в систематике (“новую” систематику, нумерическую таксономию) автор рассматривает как попытки усовершенствования систематики диагностического уровня по линии математизации или применения новых источников информации. Однако эти попытки не дают, по его мнению, решающего позитивного эффекта, поскольку не могут изменить архаической принципиальной основы диагностической систематики.

В рамках филогенетического уровня система отражает филогению, которая, в свою очередь, строится методом тройного параллелизма — на

основе данных о преобразовании формы и структуры органов в сравнительно-анатомических, палеонтологических и эмбриологических рядах, но безотносительно к процессу адаптации. Здесь содержание признаков настолько более ёмко, что значение самого термина существенно меняется. К.А.Юдин показывает, как постепенно, в ходе развития филогенетической систематики, складывалась тенденция чёткого деления признаков на филогенетические и адаптивные при негативном отношении к последним. К.А.Юдин прослеживает объективные и субъективные предпосылки этого процесса, чётко формулирует возникающее в результате противоречие: “Теория естественного отбора утверждала адаптивность филогенеза, а практика свидетельствовала о том, что адаптивные структуры не могут служить фактическим основанием для реконструкции этого процесса” (1974, статья об уровнях развития систематики животных).

В этом противоречии К.А.Юдин (1957, статья о задачах морфологических исследований в орнитологии) видит важную причину отсутствия у зоологов интереса к сравнительной морфологии и её изоляции от зоологии. Преодоление этого разрыва, в значительной мере составляющее заслугу А.Н.Северцова, привело к оформлению нового метода в филогенетике и систематике, который К.А.Юдин назвал эколого-морфологическим (1970), или морфологическим (1974). Этот метод предусматривает изучение эволюции сквозь призму видообразования, а также применение комплексных подходов, включающих морфологические, экологические, этологические и физиологические аспекты. Всё это означает казуальное изучение филогенеза, основанное на анализе адаптаций и нацеленное на его отображение “... в виде конкретного процесса развития в единстве с условиями существования”, как писал К.А.Юдин ещё в 1950 году (в статье о морфологических адаптациях соколов).

Для интерпретации филогении в виде адаптивного процесса “... требуется глубокое и всестороннее знание морфобиологической специфики всех естественных групп, слагающих данную систему. Говоря иначе, каждый из таксонов системы необходимо характеризовать присущим только ему комплексом жизненно важных морфофункциональных, экологических и других особенностей, приобретённых им в процессе становления” (1970, статья о надвидовой систематике птиц). К.А.Юдин считает выявление морфобиологической специфики всех таксонов ближайшей задачей орнитологической систематики. Он нацеливает орнитологов на осознание и сосредоточенное заполнение таких пробелов в наших знаниях, как крайний недостаток “точных и подробных сведений об образе жизни конкретных видов”, слабая изученность “функционального и биологического значения морфобиологических особенностей, характеризующих таксоны”.

Таков, по К.А.Юдину (1974), высший, морфобиологический уровень систематики. Здесь в качестве материала для комплексного анализа используются морфофункциональные единства различных категорий, и термин “признак” автор считает совершенно неуместным. К опасности обмануться конвергентным сходством К.А.Юдин несколько раз возвращается в своих работах, обстоятельно показывая, каким образом морфобиологический метод с его повышенной детальностью и комплексностью

анализа морфофункциональных единств сводит эту опасность к минимуму. Говоря о перспективах морфобиологической систематики, К.А.Юдин утверждает, что из достигнутого ею "... очевидно уже и в настоящее время, что это направление открывает для синтеза теории Дарвина и систематики более широкие возможности, чем все прочие направления, взятые вместе"; в конечном счёте оно "... имеет перспективу стать высоко-развитой синтетической областью биологии, прочно базирующейся на достижениях всех прочих областей этой науки".

О своих общих изысканиях К.А.Юдин говорил с некоторой долей иронии, что они преследуют цель узнать, где у нашей науки верх, а где низ. К сожалению, его принципиальная, требовательная позиция не всегда находила понимание у зоологов. Можно только пожалеть, что наша зоологическая общественность не использовала с должным эффектом счастливый феномен Юдина, продолжавшийся около 30 лет. Сейчас, когда Константина Алексеевича уже нет среди нас, наш долг — собрать наследие этого удивительного человека, чтобы не утратить, а закрепить всё то, к чему он так страстно призывал.

Из воспоминаний о К.А.Юдине его коллег и учеников

А. Ф. Ковшарь:

В сентябре 1962 года, после окончания III Всесоюзной орнитологической конференции, я прямо из Львова поехал в Ленинград. Всё для меня, молодого специалиста, проработавшего всего три года в заповеднике "Аксу-Джабаглы" (Южный Казахстан) после окончания Харьковского университета, было впервые: и город на Неве, и знаменитый Зоологический институт Академии наук СССР (цитадель зоологической науки, по крайней мере, в моём представлении), и орнитологические звёзды первой величины — Борис Карлович Штегман, Леонид Александрович Портенко, Елизавета Владимировна Козлова... Именно они были мне знакомы по литературе, в основном по фаунистическим сводкам и определителям. Константин Алексеевич Юдин среди них был как-то мало замечен и воспринимался даже не сколько как орнитолог, а как близкий друг моего учителя Игоря Александровича Долгушина, у которого на книжной полке на самом видном месте всегда стояла фотография, где в непринуждённых позах вместе с ним были запечатлены Константин Алексеевич Юдин, Алексей Сергеевич Мальчевский и Виктор Алексеевич Попов. Позже я узнал, что все четверо в середине 1950-х годов были докторантами ЗИН и называли друг друга "кумовьями". Причём Долгушин, как самый старший по возрасту, был "кум старейший", а Юдин — "кум мудрейший".

Но тогда, в сентябре 1962 года, я ещё не знал этого, как и не знал основных трудов К.А.Юдина и его самого. Гораздо больше мне запомнились беседы с Е.В.Козловой, которой я представил на суд рукопись своей первой статьи о гнездовании краснокрылого чечевичника. Тогда я не мог даже предположить, что всего через 4 года не станет Игоря Александро-

вича и его заменит мне незаметный, немногословный, тихий и, на первый взгляд, сухой Константин Алексеевич.

Произошло это как бы само собой, незаметно — просто я почувствовал, что мне необходимы юдинские оценки, суждения, рассказы, объяснения. При более близком знакомстве оказалось, что и ему общение просто необходимо. Возможно, играло роль то обстоятельство, что я работал на Тянь-Шане — новом для Константина Алексеевича месте, где живут интересные виды птиц. И разговор он вёл так, что мне приходилось рассказывать, а он больше слушал, чем говорил. Зато если говорил, то сразу начинал сопоставлять мои сведения с тем, как живёт тот или иной вид (или близкие ему) в Восточной Сибири или на Кавказе. Разговор продолжался как бы сам собой, настолько доверительный, что не было ощущения, что говорит учитель с учеником. Так беседовать, кроме него, мог только Долгушин, но тот больше любил (и умел!) рассказывать сам, к тому же разговор часто быстро переходил с птиц на любую другую тему: от футбола и филателии до политики, литературы и искусства. Константин Алексеевич же говорил (больше слушал!) почти всегда только о птицах — именно о них, даже не об актуальных проблемах орнитологии. Однажды он даже выразился так об одном небезызвестном орнитологе: “Такой хороший парнишка был, пока интересовался птицами; к сожалению, потом занялся проблемами”. Иногда Юдин начинал дотошно расспрашивать о той или иной птице: как она передвигается, добывает корм, где устраивает гнёзда, какие звуки издаёт и т.д. Так было в отношении желчной и горной овсянок. Зато когда я по своему почину заговорил о краснокрылом чечевичнике, полагая, что о нём я знаю что-то такое, что другим неизвестно, Константин Алексеевич, вежливо выслушав меня, вдруг рассказал о поведении этой птицы много нового для меня: оказывается, совсем недавно он наблюдал краснокрылых чечевичников на Кавказе, кажется, где-то в Армении. Лишь потом, познакомившись ближе с работами Константина Алексеевича, я понял, как важны были все эти натуралистические подробности в его теоретических изысканиях. Однако для собеседника всё это выглядело как обычный обмен впечатлениями двух любителей птиц, причём чувствующих себя на равных. Излишне говорить, насколько это побуждало к предельной откровенности.

Чаще всего такие беседы велись у Константина Алексеевича дома, по вечерам. Здесь, на 5-й Красноармейской, в простой и уютной домашней обстановке, было особенно хорошо. Его жена Людмила Гавриловна умела незаметно предложить чай с вареньем, вовремя перевести разговор на Алма-Ату и Заилийский Алатау, где они гостили у Долгушиных несколько лет назад, и даже стеснительный гость вскоре чувствовал себя как среди давних и близких знакомых. Кстати сказать, гостеприимство Людмилы Гавриловны не изменилось и после того, как не стало Константина Алексеевича. Помню, как она сразу покорила мою дочь при первом же посещении. И сейчас, спустя годы, я испытываю особую теплоту, вспоминая посещения дома Юдиных.

Скромность Константина Алексеевича сочеталась с глубокой принципиальностью и скептическому отношению ко всему модному, легко-

весному, скоропалительному в науке. Да и не только в науке. Одевался он просто и скромно, без претензий. Мне навсегда запомнилась его казавшаяся высокой фигура в длиннополом, похожем на шинель, пальто на фоне слабоосвещённых домов на 5-й Красноармейской улице, когда он выходил с собачкой проводить засидевшегося гостя.

Что же касается отношения К.А.Юдина к научным сенсациям, то очень показателен пример с реликтовой чайкой. Так уж получилось, что осенью 1969 г. первый экземпляр этой чайки, добытый на озере Алаколь Э.М.Ауэзовым, по его просьбе мне пришлось сравнивать с коллекционными сборами центральных хранилищ, поскольку меня направили тогда в длительную командировку в Москву и Ленинград по вопросам издания очередного тома “Птиц Казахстана”. В Москве отыскался ещё один экземпляр в эталонной коллекции на кафедре биогеографии Московского университета. Теперь не только у меня, но и у Л.С.Степаняна, В.Е.Флинта и А.М.Чельцова-Бебутова не оставалось сомнений, что это новый вид. Лео Суменович Степанян даже подарил мне оттиск статьи Чарльза Вори, трактующего экземпляр Лёненберга как гибрид черноголового хохотуна и буроголовой чайки.

В Зоологическом институте появление необычного экземпляра также вызвало ажиотаж. Леонид Александрович Портенко пригласил меня к себе в кабинет и, объяснив значение этой находки, тут же предложил свои услуги в публикации статьи в американском журнале “Auk” через Ч.Вори. Прибывший на следующий день из Борка Борис Карлович Штегман молча тщательно обследовал экземпляр, а вечером написал своим коллегам в Германию, чтобы они внимательно посмотрели свои монгольские сборы чаек (в результате вскоре появилась статья Штуббе и Болда о реликтовой чайке). Один Константин Алексеевич оставался невозмутимым. Осмотрев чайку, он сказал, что это буроголовая чайка не совсем обычной окраски (свежий экземпляр) и добавил: “У нас есть такая же в коллекции”. И действительно, в коллекции ЗИН оказался ещё один экземпляр реликтовой чайки. Все мои доводы К.А.Юдин спокойно и уверенно разбивал очень резонными сомнениями, а когда я прибег к последнему аргументу — пуховому птенцу — он так же спокойно спросил: “А Вы уверены, что это её птенец? По-моему, это птенец черноголового хохотуна”. И тут же показал место во втором томе “Птиц Казахстана”, где на стр. 299 приведена масса только что вылупившихся птенцов хохотуна — 40-80 г. Масса привезённого мной птенца была около 40 г. Видя моё отчаяние, Константин Алексеевич утешил: “Если Вы докажете мне, что это её птенец, то придётся согласиться, что это самостоятельный вид”. Пришлось на следующий год ехать на колонию, чтобы убедиться в том, что птенцы реликтовой чайки действительно белые, как у черноголового хохотуна, и ничего общего не имеют с густо-пятнистыми пуховичками линии “озёрная чайка — буроголовая чайка...”.

Общение с Константином Алексеевичем всегда приносило радость, и мне странно было слышать от некоторых коллег о его сухом, замкнутом характере. Это было первое, поверхностное впечатление; при более близком знакомстве постепенно раскрывалось его радушие и неподдельный

интерес и к птицам, и к людям. Последнее не мешало ему быть суровым судьёй скоропалительных или, ещё хуже, пустых работ. Помню, как он был по-настоящему расстроен одной докторской, содержащей очень мало нового в своих исходных данных.

Иногда скромность Константина Алексеевича буквально ставила в тупик. Когда после десятилетнего общения я попросил разрешения напечатать в автореферате его фамилию в качестве научного консультанта, он наотрез отказался. Это было настолько неожиданно, что я растерялся, написал ему длинное сбивчивое письмо, уговаривая согласиться, а в конце (каюсь!) высказал предположение, не означает ли его отказ, что он негативно оценивает саму работу. В ответ я получил очень подробное письмо, в котором было всё — и положительная оценка работы, и спокойное объяснение причин отказа, заключавшихся в убеждении Константина Алексеевича, что он ничего особого для появления этой работы не сделал. С последним я до сих пор не могу согласиться, но фамилию научного консультанта из автореферата диссертации пришлось убрать.

Я не сомневаюсь, что о Константине Алексеевиче Юдине как орнитологе, зоологе напишут специалисты-систематики и воздадут должное его заслугам в различных разделах зоологии. Мне же хотелось вспомнить о человеке, бесконечно влюблённом в птиц и постоянно создающем вокруг себя атмосферу этой любви и интереса к одним из самых совершенных творений природы.

Л. В. Фирсова:

Только теперь, много лет спустя после смерти Константина Алексеевича, я отчётливо осознала, каким даром собеседника и педагогическим чутьём он обладал. Он никогда ничего не навязывал — и общения в том числе. Однако, если вопросы и потребность поговорить назревали, можно было смело идти на разговор. Была уверенность, что тебя доброжелательно выслушают и постараются понять. А слушать Константин Алексеевич умел и любил как никто другой из окружавших меня и тогда, и теперь. Он вольготно рассаживался, закуривал, давая понять, что расположен к обстоятельной беседе. При этом умел забывать о своих делах, так что у собеседника никогда не возникало ощущения, что ему некогда. Темы разговора могли быть самыми разными, хотя, как потом выяснилось, он не любил пустословия, болтовни ни о чём и ценил умение собеседника встать и уйти, когда тема для разговора начинает иссякать.

В то время, о котором идёт речь (1970-е годы), я была аспиранткой К.А.Юдина. И говорили мы сначала обычно о формальных делах: планы, отчёты, командировки, — но потом неизбежно переходили на объекты исследования и связанные с ними научные проблемы. Можно было выяснить накопившиеся вопросы, высказать собственные предположения и догадки. Конкретные советы давались в ненавязчивой форме.

Перед первой своей поездкой на Командорские острова (я тогда была ещё совсем “зелёной”, экспедиционного опыта практически не было), после обсуждения моего плана работы Константин Алексеевич стал рассказывать о своей поездке с Л.А.Портенко на Курильские острова, делил-

ся опытом скалолазания (он в молодости, как большинство красноярских мальчишек, прошёл стадию лазания по знаменитым скалам “Столбы”). Юдин советовал не ступать на мокрые камни с обрастаниями, тем более не прыгать по ним, а затем с совершенно серьёзным лицом (только “чёртики” в глазах скачут) просил во время стрельбы на скалах задом к морю не вставать, чтобы от отдачи не “сверзиться” вниз. Смех смехом, но после первой поездки я поняла, насколько эти советы не были лишними, и поняла, что Константин Алексеевич всё же боялся за меня, хотя внешне это никак не проявлялось. В момент первой встречи по возвращении у него с облегчением вырвалось что-то вроде: “Ой, вернулась, живая...”.

Идеи общего характера во время наших разговоров высказывались им как будто мимоходом, без менторских интонаций. Только много лет спустя, анализируя основные представления, на которых базируется моя конкретная работа, понимаю, что всё это было заложено в моё сознание ещё тогда, в непринуждённых беседах с К.А.Юдиным. В процессе такого общения постепенно приходило представление о том, что и как нужно делать.

Особенно любил Константин Алексеевич слушать рассказы об экспедициях. Его интересовало всё: птицы, люди, экологическая обстановка, быт, хозяйство местных жителей. Если при этом рассказы сопровождались показом фотографий, было совсем хорошо. К фотографии у него было особое отношение. Он сам много снимал и знал в этом толк. С интересом разглядывал снимки, даже если они были и невысокого качества, но изображали новые для него места и птиц. Надо сказать, что он очень ценил в людях умение что-то делать руками, в частности, хорошие снимки, звукозаписи. Хотя уровень требований к качеству у него был очень высоким, применял эти требования он в первую очередь к самому себе.

Руководителем Константин Алексеевич был очень заботливым, но не склонным к мелочной опеке. Когда нужно, брал ответственность на себя, чтобы дать возможность подопечному спокойно работать. С ним было как “за каменной стеной”, хотя прочувствовала и оценила это я в полной мере лишь когда его уже не стало.

Помню, в начале моей аспирантуры он сразу дал понять, чтобы я не настраивалась на защиту через 3 года, считая, что добротную работу, связанную с полевыми исследованиями, в такие сроки не выполнить. К счастью, я была такого же мнения, и поддержка в этом отношении очень помогла мне спокойно работать. Пока Константин Алексеевич был жив, давления сверху в связи с задержкой представления работы я практически не ощущала. Одновременно такая поддержка усиливала чувство ответственности, и нежелание подводить руководителя заставляло интенсивно продвигаться в своей работе вперёд.

В К.А.Юдине было сильно развито чувство справедливости. Он был человеком глубоко порядочным и в большом, и в мелочах. Запомнился такой эпизод. Один из молодых сотрудников почему-то вовремя не подал план экспедиционных работ, и деньги на его поездку остались незапланированными. Дирекция предложила найти требуемые средства что называется “из внутренних резервов”, что означало, что у всех едущих в экспедиции нужно изъять часть денег. К.А.Юдин отказался это сделать,

хотя и мог, как тогда было принято, волевым решением отобрать у всех понемногу. Видимо, это же чувство справедливости помогало ему достаточно объективно оценивать людей. Прекрасно видя мои недостатки, он сумел разглядеть и оценить и достоинства. Время от времени он находил предлог напоминать мне о последних. Это придавало уверенности и силы. После моего первого выступления на Учёном совете (ух, и страшно было...) Константин Алексеевич сказал, что меня “надо кормить мясом”, чтобы я стала более зубастой и способной постоять за себя.

Поражал и восхищал неугасающий и по-детски жадный интерес Константина Алексеевича к птицам. В последние годы он уже не мог не только куда-то ездить, но и далеко ходить. На даче под окном была устроена присада, куда прилетали на прикормку дятлы. Константин Алексеевич фотографировал их прямо из окна. Нужно было видеть, какое радостное оживление появлялось на его лице, когда птицы прилетали и он притикал к видоискателю фотоаппарата. Дятлов он узнавал “в лицо” и с удовольствием рассказывал об индивидуальных повадках каждого. Фото-снимки у Юдина получались превосходные.

Иногда рано утром мне удавалось удрать в лес. Возвращаясь к завтраку, я обычно рассказывала, что видела, кого слышала. Рассказов этих ждали. Если случалось найти жилое гнездо или ещё что-то интересное, после завтрака шли смотреть. Такие мини-походы доставляли Константину Алексеевичу большое удовольствие, хотя и давались нелегко. Он продолжал оставаться педагогом, исподволь выяснял, какие голоса и звуки мне известны, тут же что-то пояснял. Однажды мы вышли на поляну с большим деревом посередине. С него слетела горихвостка, и Константин Алексеевич предложил найти её гнездо. Оно оказалось в трещине ствола, и обнаружить его не составило труда. Юдин был доволен удачей не меньше меня. В другой раз мы шли по тропинке и слышали невдалеке беспокойные голоса двух пеночек-весничек. Опыт общения с этими птицами у меня был, и вскоре удалось найти гнездо с птенцами. Дома Константин Алексеевич с удовольствием рассказывал, как быстро это было сделано. Он вообще умел радоваться успехам других.

Все, кто сталкивался с К.А.Юдиным в институте, в служебной обстановке, хорошо помнят, каким порой жёстким и остроумно-желчным он мог быть, особенно в пылу спора. Дома же это был совсем другой человек: хлебосольный хозяин, внимательный и чуткий собеседник. Тёплым и уютным был дом Юдиных при Константине Алексеевиче, таким он и остался для меня до сих пор — домом, куда всегда хочется пойти.

Нужно ещё отметить очень мягкую и уважительную к авторскому тексту манеру редактирования у К.А.Юдина. Он не пытался, как многие редакторы, переделать весь текст по своему вкусу, а правил лишь грубые и явные ошибки, не трогая своеобразия авторского стиля.

П . П . Г а м б а р я н

Мне очень запомнилось первое знакомство с Константином Алексеевичем Юдиным. Мы с О.В.Егоровым обсуждали принципы измерения скелета копытных. Увлёкшись беседой, я не сразу заметил, что к нам по-

дошёл ещё один человек. “Да, наверное, так и нужно”. Услышав эту фразу, Егоров улыбнулся и сказал: “Вот и Петя вошёл в нашу команду”. Егоров и Юдин были единомышленниками в отношении принципов морфологических измерений. Каждое измерение должно быть точно фиксировано по морфологическим точкам и одновременно отвечать определённым функциональным показателям. Такой подход позволяет использовать морфологические измерения для оценки процессов приспособительной эволюции. Уже тогда (1947-1948 годы) у К.А.Юдина формировались свои взгляды на пути развития систематики, и обсуждение общих подходов к морфологическим исследованиям оттачивало эти представления. После упомянутой встречи во время каждой своей командировки в Зоологический институт я всё, что наработал за год, обсуждал с Константином Алексеевичем. Широкая эрудиция Юдина, точные формулировки мыслей, своеобразие методологического подхода к филогенетическим исследованиям всё более становились известными не только в ЗИН, но и в разных концах Союза, и к Константину Алексеевичу началось паломничество самых разных исследователей. С ним консультировались и териологи, и герпетологи, и ихтиологи, и специалисты по насекомым и другим беспозвоночным. Я часто ждал, когда Константин Алексеевич соберётся идти домой, чтобы по дороге обсудить с ним свои проблемы, так как видел, что в рабочее время его осаждают бесконечные посетители.

Особенно поражал в Константине Алексеевиче огромный запас знаний в области орнитологии. Он знал такие тонкости поведения и строения многих видов птиц, что мог обсуждать на равных с любым специалистом самые разнообразные и сложные вопросы орнитологии.

Для характеристики человеческих качеств Константина Алексеевича я хотел бы остановиться на особо запомнившихся случаях. Однажды в течение целого месяца мы вместе работали в Хосровском заповеднике в Армении. Обычно вечером, после завершения дневных полевых работ, я спешно готовил обед, а Константин Алексеевич занимался разбором своих наблюдений за день. Я, любитель томата, обильно сдабривал любую еду томатной пастой. Так мы работали весь месяц, Юдин невозмутимо ел приготовленную мной пищу, и только через два года я случайно узнал от его дочери, Ирины, что К.А., оказывается, не может терпеть не то что вкуса, а даже запаха томатного соуса...

Второй случай уже совсем другого рода. В 1952 году проходила очередная компания по искоренению фундаментальных исследований в области биологии. На этот раз решили расправиться не с живыми, а с учением к тому времени уже умершего академика А.Н.Северцова. Я был командирован из Армении на дискуссию о наследии А.Н.Северцова. Ряд ретивых реформаторов решил, что пора кончать и с учением Северцова. В атаке на него особенно старались его ученики: Васнецов, Гиляров и некоторые другие. Патетические выкрики типа “лжеучение так называемого академика Северцова” изобиловали в первых выступлениях. Затем выступил К.А.Юдин. Он рассмотрел основные этапы работы А.Н.Северцова, показал, что последний сам считал свои работы первым приближением, затем перечислил те направления, которые Северцов считал наи-

более перспективными и закончил следующими словами: “Отвергая в целом северцовское направление в морфологии, мы должны признать ненужность разработки вопросов филогенетики, т.е. исторического подхода к проблемам биологии; разработки проблемы общих закономерностей, в том числе и вопроса соотношения онто- и филогенеза, путей эволюции и т.д.; исследования причин эволюции, ибо ради последней цели А.Н.Северцов и предпринял свой огромный труд. Возникает вопрос, что же следует изучать биологу в наши дни, если не эти проблемы?”

После такой отповеди один за другим стали выступать незапланированные ораторы, и в конце концов подготовленную резолюцию полностью переработали. В результате совещание вынесло вердикт доверия трудам А.Н.Северцова вместо объявления их лжеучением, как планировалось. Данное выступление К.А.Юдина показало, что даже в те страшные годы лысенковщины можно было сорвать очередной разгром одного из направлений науки, если находился смелый человек, не побоявшийся их аргументированно защитить.

В последние годы, уже тяжело больной, Константин Алексеевич снимал на лето дачу в Луге. Перед окном была установлена кормушка для птиц, а в окне — фотоаппарат. Много часов ежедневно Юдин просиживал за аппаратом и снимал птиц! Ему было необходимо получить фактическое подтверждение своих взглядов на работу челюстного аппарата. Он должен был достаточно убедительно доказать свои взгляды по этому вопросу, во многом отличавшиеся от общепринятых. Для этого нужны были чёткие снимки независимого от движения нижней челюсти поднятия надклювья. Поражало упорство, с которым он продолжал съёмки, варьируя их условия (наклон кормушки, установку чурбанов для “кузницы” дятлов и т.п.). И ему удалось получить уникальные фотографии, бесспорно подтверждающие правильность его представлений. Эта огромная требовательность к точности, правильности подбора фактов, к полной доказательности утверждений всегда поражала в его работах.

Я никогда не был непосредственным учеником К.А.Юдина, но вряд ли от кого-либо другого я получил так много ценного в отношении подходов к проблемам морфологических исследований, в понимании необходимости тщательных целенаправленных полевых исследований и т.д.

Под конец нельзя не упомянуть о чисто сибирском гостеприимстве семейства Юдиных, не вспомнить традиционные встречи “старого” Нового года 13 января. В этот день у них всегда собирались друзья, и вечер проходил так весело, что все гости всегда опаздывали на городской транспорт, и возвращение их домой часто превращалось в настоящее ночное приключение.

Список научных трудов К.А.Юдина

- Строганова А.С., Юдин К.А. 1950. Вредная деятельность малого суслика в молодых посадках дуба Сталинградской области // *Зоол. журн.* **29**, 5: 385-388.
- Юдин К.А. 1950. Морфологические адаптации сем. Falconidae в связи с вопросами систематики // *Памяти академика П.П.Сушкина*. М.; Л.: 135-208.
- Юдин К.А. 1950. Охота и наука // *Наша охота* **1**: 439-446.
- Юдин К.А. 1951. Новое о распространении птиц в Средней Сибири // *Докл. АН СССР*. Нов. сер. **76**, 6: 949-952.
- Строганова А.С., Юдин К.А. 1951. Суслики и зайцы как вредители гнездовых посевов дуба в Заволжье // *Зоол. журн.* **30**, 2: 106-109.
- Юдин К.А. 1952. Наблюдения над распространением и биологией птиц Красноярского края // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **9**, 4: 1029-1060.
- Юдин К.А. 1952. Характеристика фауны птиц района Валуйской опытно-мелиоративной станции (Сталинградская обл.) // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **11**: 235-264.
- Юдин К.А. 1953. Систематический обзор животных лесной зоны. 2. Птицы — Aves // *Животный мир СССР*. М.; Л., **4**: 126-203.
- Иванов А.И., Дементьев Г.П., Юдин К.А. 1955. Международный орнитологический конгресс [в Базеле] // *Природа* **5**: 56-58.
- (Юдин К.А. 1955) Joudine K. 1955. A propos du mécanisme fixant l'articulation du coude chez certains oiseaux (Tubinares) // *Acta XI Congr. intern. ornithol.* Basel; Stuttgart: 279-283.
- Юдин К.А. 1957. О задачах морфологических исследований в области орнитологии // *Зоол. журн.* **36**, 1: 113-121.
- Юдин К.А. 1957. О некоторых приспособительных особенностях крыла трубконосых птиц (отряд Tubinares) // *Зоол. журн.* **36**, 12: 1859-1873.
- Юдин К.А. 1958. Кинетизм черепа чайковых и чистиковых // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **25**: 164-182.
- Юдин К.А. 1958. Орнитологические сборы Советской антарктической экспедиции 1955-1958 гг. // *Информ. бюл. Сов. антаркт. экспедиции* **3**: 89-90.
- Юдин К.А. 1960. Линька белой чайки *Pagophila alba* (Gunn.) // *Тр. проблемных и тематических совещ. ЗИН АН СССР* **9**: 298-303.
- Юдин К.А. 1961. О механизме нижней челюсти ржанкообразных, трубконосых и некоторых других птиц // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **29**: 257-302.
- Юдин К.А. 1962. Как сохранить редкую птицу для коллекции // *Наша охота* **3**: 378-388.
- Иванов А.И., Юдин К.А. 1963. Елизавета Владимировна Козлова (к 70-летию со дня рождения) // *Орнитология* **6**: 493-494.
- Юдин К.А. 1964. Пропатагиальный аппарат ржанкообразных (Charadriiformes, Aves) // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **33**: 212-255.
- Юдин К.А. 1964. Иван Иванович Шмальгаузен // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* **33**: 349-352.
- Юдин К.А. 1964. К авифауне центральной части Арктического бассейна // *Тр. Аркт. и Антаркт. НИИ Главсевморпути* **259**: 400-403.

- Юдин К.А. 1965. *Филогения и классификация ржанкообразных*. М.; Л.: 1-361 (Фауна СССР / Зоол. ин-т. Нов. сер. № 91. Птицы. Т. 2. Вып. 1. Ч. 1).
- Адамян М.С., Гейликман Б.О., Маркарян Н.А., Юдин К.А. 1966. О гнездовании мохноногого сыча в Армении // *Биол. журн. Армении* 19, 2: 106-108.
- Юдин К.А. 1968. Краткий определитель трубконосых птиц (Procellariiformes) Антарктики и Субантарктики // *Исследования фауны морей* 6 (14): 200-254.
- Юдин К.А. 1970. Биологическое значение и эволюция кинетичности черепа птиц // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 47: 32-66.
- Кудряшов А.Ф., Юдин К.А. 1971. Об аэродинамической роли перьевого покрова корпуса птиц // *Зоол. журн.* 50, 6: 864-874.
- Юдин К.А. 1974. К функциональной морфологии вторично прокинетического черепа птиц (о значении praethmoideum у ржанкообразных) // *Орнитология* 11: 35-39.
- Юдин К.А. 1974. О перспективах развития систематики животных // *Проблемы долгосрочного планирования биологических исследований: Зоология*. Л., 1: 4-12.
- Юдин К.А. 1974. О понятии “признак” и уровнях развития систематики животных // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 53: 5-29.
- Юдин К.А. 1975. Леонид Александрович Портенко [1896-1972 гг.] // *Сообщения Прибалтийской комиссии по изучению миграций птиц* 8: 218-222.
- Юдин К.А., Нейфельдт И.А. 1975. Научный семинар лаборатории орнитологии и герпетологии ЗИН АН СССР // *Материалы Всесоюз. конф. по миграциям птиц*. М., 2: 219-220.
- Юдин К.А. 1975. Орнитология XX века // *История биологии с древнейших времен до наших дней*. М., 2: 42-45.
- Юдин К.А. 1977. О направлениях и уровнях развития надвидовой систематики птиц // *Адаптивные особенности и эволюция птиц*. М.: 16-25.
- Юдин К.А., Нейфельдт И.А. 1977. Задачи и методы современной авифаунистики в СССР // *Адаптивные особенности и эволюция птиц*. М.: 26-32.
- Юдин К.А. 1977. Морские птицы: карты В, Г // *Атлас океанов: Атлантический и Индийский океаны*. М.: 249.
- Юдин К.А. 1978. Классические морфологические признаки и современная систематика птиц // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 76: 3-8.
- Юдин К.А. 1978. Систематическое положение *Peltohyas australis* Gould и естественная граница между группами Limicolae и Laro-Limicolae (Charadriiformes, Aves) // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 68: 3-34.
- Дзержинский Ф.Я., Юдин К.А. 1979. О гомологии челюстных мускулов гаттерии и птиц // *Орнитология* 14: 14-34.
- Нейфельдт И.А., Юдин К.А. 1981. Вклад в науку ленинградских орнитологов Е.В.Козловой, Л.А.Портенко и Б.К.Штегмана // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 102: 3-33.
- Юдин К.А. 1981. Систематическое положение австралийской тиркушки (*Stiltia isabella* Vieillot, Charadriiformes, Aves) // *Тр. Зоол. ин-та АН СССР* 102: 40-55.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 1988. Белая чайка — *Pagophila eburnea* (Phipps, 1774) // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 51-57.

- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 1988. Клуша — *Larus fuscus* Linnaeus, 1758 // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 118-126.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 1988. Серебристая чайка — *Larus argentatus* Pontoppidan, 1763 // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 126-146.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 1988. Тихоокеанская чайка — *Larus schistisagus* Stejneger, 1884 // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 146-152.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 1988. Серокрылая чайка — *Larus glaucescens* Naumann, 1840 // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 153-161.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 1988. Полярная чайка — *Larus glaucoides* Meyer, 1822 // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 161-165.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 1988. Бургомистр — *Larus hyperboreus* Gunnerus, 1767 // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 165-174.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 1988. Морская чайка — *Larus marinus* Linnaeus, 1758 // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 174-182.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 1988. Сизая чайка — *Larus canus* Linnaeus, 1758 // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 182-199.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 1988. Вилохвостая чайка — *Xema sabini* (Sabine, 1819) // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 207-215.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 1988. Моевка — *Rissa tridactyla* (Linnaeus, 1758) // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 215-226.
- Юдин К.А., Фирсова Л.В. 1988. Красноногая моевка — *Rissa brevirostris* Bruch, 1853 // *Птицы СССР: Чайковые*. М.: 226-232.

См. также большую серию статей К.А.Юдина о птицах во втором издании *Большой Советской энциклопедии* (1953-1956).

